

Библиографические ссылки

1. Алексеева Н. А. Особенности реализации текстовых категорий в креолизованном тексте песни (на материале англоязычных песен в стиле кантри): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. СПб., 2013. 26 с.
2. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов. М.: Академия, 2003. 107 с.
3. Эйгер Г. В. К построению типологии текстов // Лингвистика текста: материалы науч. конф., МГПИИЯ: в 2 ч. Ч. 1. М.: МГПИИЯ, 1974. С. 103–109.
4. Колесникова О. Д. Креолизованные или поликодовые тексты телевизионных новостей: к соотношению понятий // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 2 (69). С. 545–547.
5. Плотницкий Ю.Е. Лингвостилистические и лингвокультурные характеристики англоязычного песенного дискурса: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 10.02.04. Самара, 2005. 21 с.
6. Седова М. И. Рекламный видеоролик – разновидность креолизованного текста // Новое в переводевании и лингвистике: материалы Междунар. науч.-практ. конф.; ред. В. А. Букина [и др.]. Орехово-Зуево, 2012. С. 236–241.
7. Слышкин Г. Г., Ефремова М. А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М.: Водолей Publishers, 2004. 153 с.
8. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия: сб. ст. / отв. ред. Р.Г. Котов. М.: Наука, 1990. С. 180–186.
9. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 248 с.
10. Ширяева О. В. Аксиологизация невербальных средств воздействия в деловом информационно-аналитическом медиадискурсе // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 680–683.

КУЛЬТУРНО-МАРКИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА КАК ИНДИКАТОР ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

С. А. Давыдова

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

e-mail: Svetlana_dav@list.ru

Статья посвящена вопросам, связанным с культурно-маркированной лексикой как элементом языковой картины мира. Изучение взаимосвязи языка и культуры является также одним из актуальных направлений современной лингвистики. Причиной этого является постоянный рост практических потребностей интенсивной межкультурной коммуникации, а также недостаточное количество теоретических исследований.

Ключевые слова: культурно-маркированная лексика; национальная культура; национально-культурные реалии; художественное произведение.

CULTURE-SPECIFIC LEXIS AS THE INDICATOR OF THE LITERATURE FICTION

S. A. Davydova

Belarusian State University

Minsk, Belarus

e-mail: Svetlana_dav@list.ru

This article touches upon the issues related to culture-specific lexis as an element of the language picture of the world. The study of the interrelation between language and culture is also one of the vital areas of modern linguistics. The reason for this is a constant growth of the practical needs of intensive intercultural communication, as well as a lack of theoretical research.

Key words: culture-specific lexis; national culture; national-cultural realia; literature fiction.

Каждый язык отражает особенности национальной культуры, истории, менталитета, легенд и былин того народа, который на нем говорит, и, соответственно, каждый литературный текст создается в рамках определенной культуры. Элементы этой культуры могут быть совершенно неизвестны и непонятны носителям других языков, так как национальная культура одного народа вступает в диалог с другими национальными культурами, высвечивая при этом такие вещи, на которых в родной культуре внимание и не останавливалось. М.М. Бахтин писал по этому поводу: «Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами свои стороны, новые смысловые глубины» [3, с. 19]. Это закономерность межкультурного общения, его неотъемлемая часть, исследование которой представляет особый интерес.

Особенность художественного текста заключается в том, что он характеризуется высокой степенью национально-культурной обусловленности. Художественный текст всегда отражает особенности того народа, представителем которого автор является и на языке которого он пишет, и того времени, в котором он живет. Кроме того, писатель может сознательно вводить в свой текст национально-культурные реалии, ассоциирующиеся с определенным временем в жизни народа. Например, в произведении М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» можно привести следующее предложение: *At the hour of the hot spring sunset two citizens appeared at the Patriarch's Ponds*. В данном примере есть два случая употребления культурно-маркированной лексики: *citizens* и *Patriarch's Ponds*. Безусловно, для читателей, живущих на постсоветском пространстве оба эти слова знакомы и не вызовут никаких затруднений, в то время как у иноязычного читателя данные лексические единицы не вызовут ни-

каких реакций, на которые, безусловно ориентировался советский писатель. Так, слово *гражданин* относится к **советизмам** и имеет несколько значений в русском языке. В данном примере оно употребляется в значении 'взрослый человек, мужчина', однако на протяжении романа оно также чрезвычайно часто используется как официальное обращение. В обоих значениях слово имеет производные формы для женского рода – *гражданка, гражданочка*. Подобные обращения были типичны для жителей стран СССР и, таким образом, передают национальный колорит и особенность эпохи, в которой жил М. А. Булгаков. Что касается *Patriarch's Ponds*, эта лексическая единица также является культурно-маркированной лексикой, которая относится к категории ономастических реалий. *Патриаршие пруды* – это название последнего пруда, сохранившегося до нашего времени, окружающего его сквера, а также микрорайона, расположенного в центральной части Москвы. Отсутствие толкования реалии *Патриаршие пруды* может вызвать некоторые трудности в понимании предложения, поскольку в оригинале также никак не уточняется значение данной реалии. Следовательно, любое художественное произведение необходимо адаптировать для читателей иноязычной культуры таким образом, чтобы оно, во-первых, было понятно читателю другой культуры и, во-вторых, адекватно воспринималось представителями другой культуры, на чью аудиторию читателей автор возможно не ориентировался. В большинстве случаев писатель сознательно или подсознательно ориентируется на определенный круг читателей, представляет себе примерный объем их знаний. Тем не менее, художественный текст всегда адресован не просто носителям определенной культуры, но ее представителям, обладающим определенным уровнем культурной компетенции.

Однако если говорить о переводе такого художественного произведения, неизбежно встает вопрос о наличии читателей перевода, совпадающих по своему культурному уровню, по знаниям в области культуры той страны, на языке которой был создан оригинал, а также по восприятию традиционных для этой культуры ценностей с читателями оригинала, на которого ориентировался автор произведения.

Как уже отмечалось выше, национальная специфика любого художественного текста возникает в виду того, что любой язык хранит в себе национальную историю, а также национальную культуру. Язык закрепляет в себе исторически сложившиеся особенности народа в восприятии и отражении окружающего мира, в том числе и в образном его отражении. Это проявляется в наличии устойчивых сравнений, языковых метафор, эпитетов, а также реалий, присущих одной нации и отсутствующих в жизни другого народа. Таким образом, культурно-маркированная лек-

сика, которая призвана подчеркивать национальную особенность какого-либо народа, а также хранит в себе знак национальной культуры, является одним из элементов художественного произведения, на которую стоит обратить особое внимание.

Культурно-маркированная лексика, отражая национальную специфику какого-либо народа, охватывает огромный пласт языка, в котором единицы культурно-маркированной лексики выражают национальное своеобразие фонда языка, народа и культуры. Обратимся снова к произведению М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: *В ней никого не оказалось, и на плите в полумраке стояло безмолвно около десятка потухших примусов*. Перевод Р. Пивер и Л. Волхонской: *No one was there, and on the oven in the semidarkness silently stood about a dozen extinguished primuses*. Примус – нагревательный прибор, применяемый в быту для приготовления пищи, нагревания воды и т.п. Указанная реалия также относится к наименованиям предметов и явлений традиционного быта.

Р. Пивер и Л. Волхонская передают данную реалию подходящим соответствием в английском языке – *primus* и, поскольку данное соответствие лишено культурной семантики советского региона, в сноске приводят ее толкование, раскрывающее суть еще одной реалии – коммуналка: *«The shortage of living space after the revolution led to the typically Soviet phenomenon of the communal apartment, in which several families would have one or two private rooms and share kitchen and toilet facilities. This led to special psychological conditions among people and to a specific literary genre (the communal-apartment story, which still flourishes in Russia). The primus stove, a portable one-burner stove fuelled with pressurized benzene, made its appearance at the same time and became a symbol of communal-apartment life. Each family would have its own primus. The old wood- or (more rarely) coal-burning ranges went out of use but remained in place. The general problem of «living space», and the primus stove in particular, plays an important part throughout the Moscow sections of The Master and Margarita»* [5, с. 294].

Данная комбинация представляется нам весьма удачной, поскольку столь подробное толкование полностью раскрывает суть проблемы, которая неоднократно поднимается на страницах романа.

Таким образом, изучение культурно-маркированной лексики помогает достичь адекватности и эквивалентности при переводе и, как следствие, способствует взаимопониманию между представителями различных национальностей. Анализ культурно-маркированной лексики представляет большой интерес, поскольку как уже говорилось выше, в художественном произведении она играет большую роль. Национально-

культурная семантика таких языковых единиц дает возможность окунуться в культуру носителей языка, а также соприкоснуться с фоновыми знаниями иноязычной культуры. Поскольку, читая произведение, в котором присутствует другая культура, читатель неизбежно сталкивается с реалиями другой культуры, отсюда возникает потребность ее более детального исследования. Таким образом, для достижения максимального восприятия читателем художественного произведения и ощущения «полноты вкуса» от прочитанного, необходимо, чтобы для читателя не было «белых пятен» при чтении литературы иностранных авторов. То есть информация, которой обмениваются писатель и читатель на родном языке, должна быть тождественна содержанию в тексте на другом языке. Однако языковое семантическое содержание в текстах на разных языках не может быть тождественным, так как отражает специфические особенности строя языка оригинала и языка перевода. А это в свою очередь требует признания зависимости семантики языка от культурной среды переводчика и его индивидуальных фоновых знаний.

Таким образом, культурно-маркированная лексика выступает как своего рода «хранитель» и «носитель» страноведческой информации. Кроме того, она расширяет и обогащает лингвистические знания. Поэтому переводчику, работающему в сфере кросскультурной коммуникации, необходимо обладать межкультурной компетенцией, одним из компонентов которой является культурно-маркированная лексика, что позволяет языковой личности выйти за пределы собственной культуры и приобрести качества медиатора культур, не утрачивая собственной культурной идентичности.

Библиографические ссылки

1. Булгаков М. А. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. Минск: Мастацкая літаратура, 1990. 655 с.
2. Кабакчи В. В. Типология текста иноязычного описания культуры и инолингвокультурный субстрат // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы. СПб.: СПбГУЭФ, 2007. С. 51–70.
3. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
4. Сдобников В. В., Петрова О. В. Теория перевода. М.: АСТ: Восток–Запад; Владимир: ВКТ, 2008. 448 с.
5. Bulgakov M. Master and Margarita; transl. by R. Pevear and L. Volokhonsky. London: Penguin books, 1997. 419 p.